

«ВКонтакте» обращаться, в том числе, к мемам и образам советской космонавтики.

Список литературы

Будущее, 2023 – Будущее. Путин заявил, что Россия должна всегда думать о будущем. URL: <https://ria.ru/20231128/buduschee-1912467067.html> (дата обращения: 05.03.2024).

Грицай, 2013 – *Грицай Л. А.* Тема освоения космоса в советской и североамериканской культурах как глобальный медиатекст // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2013. №4. С. 13-20.

Попов, 2021 – *Попов А. Д.* Космический супергерой: возникновение Юрия Гагарина в контексте взаимоотношений власти и общества в СССР // Вестник Пермского университета. Серия: История. 2021. №3. С. 29-37.

Симонова, 2014 – *Симонова А. В.* Формирование космической мифологии как фактора развития научных исследований космоса в СССР и России // Социология власти. 2014. №4. С. 156-173.

Советский «Космос-2222», 2023 – Советский «Космос-2222» сгорел в атмосфере. URL: <https://lenta.ru/news/2023/05/03/sat/> (дата обращения: 05.03.2024).

Тяглова, 2018 – *Тяглова М. А.* Мифизация космонавтики в зеркалах культурного сознания // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Философия. Политология. Культурология. 2018. №4. С. 156-165.

Федосов, 2023 – *Федосов Е. А.* Идеологема «космос» в образах советской визуальной пропаганды 1957-1965 гг. // Новейшая история России. 2023. №1. С. 200-218.

УДК 171.0

Ларина Л. Ю.,

*кандидат философских наук, доцент,
доцент кафедры логики, философии и методологии науки,
Орловский государственный университет им. И. С. Тургенева*

Налетов Ю. А.,

*кандидат философских наук, доцент,
доцент кафедры логики, философии и методологии науки,
Орловский государственный университет им. И. С. Тургенева*

Проблема лжи и фальсификации в современной науке

DOI: 10.33979/2587-7534-2024-3-127-140

В статье рассматривается проблема профессиональной честности как одного из базовых элементов профессиональной этики в науке. Показано, что современная наука, усложняющаяся во всех своих аспектах (знание, деятельность, социальный институт) создает благоприятные условия для фальсификаций и лжи.

Обращается внимание на проблему привлечения исследователей к ответственности (в том числе юридической) за умышленное искажение результатов научных работ. Акцент делается на необходимости формирования у представителей научного сообщества социальной и профессиональной ответственности.

Ключевые слова: *истина, правда, ложь, профессиональная честность, профессиональная этика в науке, социальная ответственность ученых, профессиональная ответственность ученых, современная наука.*

Larina L. Yu.,
*Candidate of Philosophy, Docent, Associate Professor,
 Department of Logic, Philosophy and Methodology of Science,
 Orel State University named after I.S. Turgenev*

Naletov Yu. A.,
*Candidate of Philosophy, Associate Professor,
 Department of Logic, Philosophy and Methodology of Science,
 Orel State University named after I.S. Turgenev*

The problem of lies and falsification in modern science

The article deals with the problem of professional honesty as one of the basic elements of professional ethics in science. It is shown that modern science, which is becoming more complex in all its aspects (knowledge, activity, social institution), creates favorable conditions for falsifications and lies.

Attention is drawn to the difficulty of bringing researchers to legal responsibility for the deliberate distortion of scientific data and the results of scientific work. The emphasis is on the need to form social and professional responsibility among representatives of the scientific community.

Keywords: *truth, truth, lie, professional honesty, professional ethics in science, social responsibility of scientists, professional responsibility of scientists, modern science.*

Честность – основная добродетель ученого
Л. Фейербах

Введение

Наука в современном мире является важным фактором, определяющим функционирование и развитие всех элементов общественной системы. Без преувеличения можно сказать, что наука, как и создаваемые на основе научных достижений техника и технологии, представляют собой ключевые атрибуты существующей цивилизации. От успехов науки в наши дни зависит не только благополучие каждого конкретного человека (его физическое и психологическое состояние, материальный уровень жизни, возможности духовного совершенствования, творческой реализации), но также историческая судьба и перспективы человечества в целом. В связи с этим во всех развитых странах мира задачи научного и технологического развития находятся в ряду наиболее приоритетных государственных задач. В данном контексте особенно важным видится достоверность научных открытий, которая не в последнюю очередь зависит от этических установок научного сообщества и отдельных ученых.

Цель исследования. Целью представленного исследования является анализ феномена лжи и фальсификации в современной науке как одного из важнейших факторов, препятствующих достижению истинности научного знания и дискредитирующих науку. В соответствии с данной целью в работе рассматриваются наиболее значимые причины, факторы и условия фальсификаций научных данных и результатов научной деятельности. Показаны актуальность и вместе с тем проблематичность противодействия преднамеренному искажению научной информации. Предлагаются возможные направления работы по уменьшению уровня фальсификаций в науке.

Методология исследования. В исследовании использовался комплексный подход, позволивший синтезировать наиболее значимые данные и выводы о фальсификациях в сфере научной деятельности, полученные специалистами в области философии, истории, юриспруденции. Аналитический и сравнительный методы дали возможность выявить ключевые научно-методологические и социально-гуманитарные аспекты рассматриваемой проблематики.

Актуализация проблемы профессиональной честности в науке

Утверждение, что наука стала важной основой существования человека, непосредственно или опосредованно вторгаясь практически во все сферы его жизни, уже является своего рода трюизмом. Тем не менее, это, действительно, весомый факт, который невозможно игнорировать. Практически все, что окружает современного человека, в той или иной степени представляет собой результаты научно-исследовательской деятельности. Именно в процессе работы ученых создаются искусственные материалы, пищевые добавки, технологии производства и хранения продуктов, косметика, медицинские препараты, технические устройства различной степени сложности и самого различного назначения, а также многое другое. Наша нынешняя среда обитания в значительной степени искусственна – существует, благодаря научным открытиям и научно-техническим разработкам.

Достижения науки неоспоримы. Но плоды научного творчества двойственны и бывают весьма горьки. Новые научно-технические разработки и технологии не только приносят пользу, но наносят весьма ощутимый, а иногда непоправимый вред. Например, хорошо известно, что некоторые медицинские препараты имеют серьезные побочные эффекты, промышленное производство – не только основа развития общества и культуры, но и источник экологических проблем, психология не только позволяет преодолевать проблемы общения или самооценки, но и создает технологии манипулирования людьми и т.д. И это при том, что возможности науки и формируемой ею техносферы влиять на природу все увеличиваются.

Более того, современная наука дает человеку инструменты (знания, методы, технологии), позволяющие ему преобразовывать самого себя (свое тело и психику), позволяющие вторгаться в сознание и личность другого человека. Уже несколько лет широко обсуждается тема биотехнологического преобразования человеческой телесности и психики (включая медицинские), проблематика возможных медицинских и социально-антропологических последствий преобразования («улучшения») человеческой природы. И хотя активные практики технологического «улучшения» пока рассматриваются как дело будущего, научное предвидение возможных рисков и поиск способов предотвращения и исправления опасных тенденций научно-технологического развития становится важным делом уже нынешнего научного сообщества.

Сегодня наука может как спасти, так и погубить человека и тот мир, в котором он обитает. Тем самым возрастает моральная ответственность научного сообщества, значительно актуализируется поиск системы нормативов, соблюдение которых позволит снизить вероятность катастрофических сценариев и сделать науку реальной (а не только декларируемой) основой конструктивного и гуманного развития общества.

Очевидно, что не в последнюю очередь речь должна идти о соблюдении базовых положений профессиональной этики, понимании и принятии принципов социальной и профессиональной ответственности ученых и изобретателей. Причем, одним из фундаментальных требований здесь видится то, что ученые обязаны сообщать правдивую информацию о ходе и результатах проводимых ими исследований. Иначе говоря, профессиональная честность становится ключевым фактором в развитии современной науки и технологии.

Добросовестный ученый, обладая полным осознанием своей социальной и профессиональной ответственности, должен максимально исключать субъективный фактор при анализе итогов своей работы и говорить правду о реальных результатах научных исследований, даже в том случае, если они не соответствуют его собственным или корпоративным ожиданиям. Между тем, проблема лжи и фальсификаций весьма актуальна в сфере научной деятельности. По некоторым оценкам, в современной науке имеет место целая эпидемия лжи. Банальный плагиат и начетничество стали чуть ли не нормой, более того, в последние десятилетия мы наблюдаем целый вал фальсификаций научных достижений, зачастую такого масштаба, оценка которого требует

задействование значительного числа исследователей и привлечения больших средств. Достаточно вспомнить осуществление холодного ядерного синтеза посредством ультразвука (Р. Талеярхан), грандиозные скандалы в фармакологии (последствия массового применения препарата «Медиатор») и молекулярной биологии (фальсификации Хван Ву Сока) [Ушкалова, 2005; Андреева, 2021], а также ожесточенную полемику вокруг исследований американским биологом и сексологом Альфредом Кинси человеческой сексуальности [Reisman, Eichel, 1990]. Работы последнего, по убеждению его многочисленных критиков, являются откровенно лживыми, основанными на сознательно некорректно проведенных исследованиях, неправомерных интерпретациях статистической информации и просто грубых подтасовках. В этом контексте уместно вспомнить приписываемое Лейбницу изречение о геометрических аксиомах, которые были бы опровергнуты, если бы затрагивали интересы людей.

Многие упомянутые случаи научных мистификаций можно было бы назвать курьезными, если бы они не касались весьма серьезных вопросов. И, кроме того, ложная информация (как и заблуждения, конечно), начав циркулировать в научных изданиях и популярных СМИ, с огромным трудом поддается «изгнанию» и даже после новых исследований, проверенных выводов и разоблачений часто продолжает фигурировать как правомерный элемент научной картины мира, оказывать воздействие на мировоззрение больших масс людей (не только обывателей, а иногда и не слишком критично мыслящих специалистов). Более того, в некоторых случаях ложь, возведенная в ранг истины и подлинного знания, меняет ценности целого общества и даже в определенной степени изменяет направление его развития, его историческую судьбу. Например, противники Кинси полагают, что его идеи явились одним из наиболее существенных факторов, способствовавших росту преступности в США, в том числе преступлений сексуального характера [Reisman, Eichel, 1990].

Способы фальсификации научных данных весьма разнообразны. При этом понять, была ли фальсификация умышленной или нет, иногда очень сложно. Трудно отличить нечестность от естественных человеческих ошибок, небрежности, халатности или некомпетентности.

Понятия «истина», «ложь» и «правда» в науке

Требование профессиональной честности означает не то, что ученый обязан высказывать *истину*, а именно то, что он должен говорить *правду*.

В свете вопросов социальной и профессиональной ответственности ученого различение понятий истины и правды очень важно. По существу, от ученого, исследователя невозможно требовать истины. Тем более, заставлять его нести ответственность за не-истину было бы абсурдом. Во-первых, несмотря на то, что споры о природе истины ведутся на протяжении нескольких тысячелетий (минимум со времен Античности), эти дискуссии до сих пор остаются незавершенными, а проблема истины – актуальной. В наше

время между ведущими специалистами в области эпистемологии по-прежнему нет согласия в ответе на вопрос «Что есть истина?» [Никифоров, 2008: 50-65]

Во-вторых, и это самое главное, ученый всегда может искренне заблуждаться и именно поэтому, говоря правду, высказывать не-истину.

Однако зачастую не только в бытовом словоупотреблении, но и в научной литературе понятия «истина» и «правда» используются как синонимы, хотя в философии всегда старались разграничивать их содержание. Например, среди современных публикаций заслуживает внимания весьма основательный анализ соотношения категорий «истина» и «правда», а также понятия «ложь», представленный в статье А. Н. Чумакова «От правды к истине: на пути познания».

Прежде всего, автор подчеркивает, что противопоставления понятий «истина» и «ложь» в корне неверны. Дихотомии «истина – ложь» просто не существует. Парную категорию составляют «истина» и «не-истина». Именно они взаимно дополняют друг друга. Что касается понятия «ложь», то его антитезой является «правда». Констатируя множественность толкований понятия «правда», Чумаков определяет ее как «субъективную уверенность человека в том, что он отражает истину, т.е. так понимает ту или иную реальность и так выражает ее, как она есть на самом деле [Чумаков, 2015: 133].

При этом правда может отражать реальное положение вещей, и тогда она становится тождественна истине. Но нередко мы ошибаемся, полагая, что правильно понимаем суть дела. В этом случае речь идет о заблуждении. Иначе говоря, наши суждения могут быть вполне правдивы, но при этом являться неистинными – заблуждениями. Чумаков замечает, что в истории познания можно найти множество подобных заблуждений, причем не только отдельных ученых, но и целого социума. Так, все человечество когда-то искренне полагало, что Солнце «восходит» и «заходит», звезды «зажигаются» и «гаснут» и т.п.

Примечательно, что Чумаков рассматривает правду как необходимое условие движения по пути постижения истины. Именно в контексте проблематики постижения истины выступает у автора и противоположная правде категория «ложь». В отличие от заблуждения, ложь играет в процессе познания абсолютно негативную роль. И хотя истину, как полагает Чумаков, ложь не в состоянии исказить, так как истина всегда объективна, то правду ложь способна разрушить (правда – личностно обусловлена, может разрушаться, укрепляться или ослабевать) и этим препятствовать познанию истины [Чумаков, 2015: 135-137].

В контексте обсуждения проблемы ответственности следует особо подчеркнуть, что автор указывает на отношение категории «ложь» к сфере юриспруденции [Чумаков, 2015: 136].

Факторы искажений информации в современной науке (научно-методологические аспекты)

Тому, что частота подтасовок результатов наблюдений и экспериментов неуклонно возрастает, во многом способствует специфика самой современной

науки: сложность знания и особенности организации научной деятельности в современном мире создают благоприятные условия для распространения лжи. Многие современные гипотезы и теории касаются предельно сложных вопросов, и их доказательство или проверка объективно представляют собой крайне непростую задачу, выполняя которую ученый всегда рискует получить неверный результат или непреднамеренно сделать неверные выводы из полученных данных. В некоторых областях (например, физике) научное знание давно утратило такое преимущество объяснения и обоснования как наглядность и выражается в виде сложных математических моделей, не поддающихся «расшифровке» без долгой и тщательной профессиональной подготовки.

Все более трудной становится наука как деятельность. Нынешний ученый должен уметь применять сложные подходы и методы исследования, пользоваться специальной техникой, работа с которой сама по себе требует особых знаний и навыков, обладать навыками профессионального управления совместными действиями многочисленных исследовательских групп. Многоступенчатые, многофакторные эксперименты требуют не только высокого профессионализма экспериментаторов, но и огромных материальных затрат. Это приводит к значительным трудностям при попытках воспроизвести эксперименты с целью проверки истинности их результатов. В то же время тот факт, что кому-то не удалось повторить опыт, еще не означает, что результаты оригинального эксперимента фальсифицированы.

Кроме того, для современной науки еще в большей степени чем для общественного сознания характерна ситуация «постправды» или «постистины». Постклассическая наука вообще отказалась от понятия истины, трактуя ее как наследие научного объективизма классического естествознания, характерными элементами которого являлись унитаризм и монотеоретизм. Предполагалось, что наука шаг за шагом способна достичь объективной истины, то есть сформировать единственно верное однозначное, исчерпывающее описание реальности, отражающее объективный порядок вещей. Сегодня, наверное, нет необходимости доказывать уязвимость подобного представления. Современная философия науки рисует непривычную с точки зрения наивного объективизма картину, в которой научный разум не просто отображает некое событие, но выполняет конструктивную роль, субъект в своей деятельности активно воспроизводит необходимые условия научного исследования, тем самым во многом переопределяя результат поиска. Другими словами, искомый порядок природы во многом задается самой логикой познания: теоретическая система и эмпирические средства формируют условия для устойчивого воспроизводства предметной области исследования. Поскольку в науке существует множество способов теоретического воспроизведения одного и того же явления, следовательно, сформировать исчерпывающее описание данного явления в рамках одной понятийной системы в принципе невозможно, полнота описания явления возможна лишь на стыке теорий, в их диалоге, взаимном дополнении.

Более того, рост научного знания осуществляется посредством не линейного развития, а в результате взаимодействия, конфликта нескольких

конкурирующих теорий (принцип пролиферации). Иногда, например, в случае эквивалентных описаний в механике, следует говорить не о конфликте, а о дополнительности разных способов описания одних физических явлений. Единичная теория принципиально «неоценима», поскольку верификация и фальсификация недостаточны для оценки эпистемологической мощности теории или ее эвристической силы. В данном случае необходимо сопоставление ее с другой теоретической системой, ее концептуальными средствами, научным аппаратом и эмпирическими интерпретациями. Даже если одна теория побеждает в этой конкуренции (оказывается более работоспособной или лаконичной), ее победа не является абсолютной, поскольку по одному из критериев она может не обладать преимуществом, не говоря уже о том, что в случае радикальной смены парадигмы, теоретического контекста научный аппарат поверженной теории может вновь обрести научную ценность. Это означает, что мы не можем считать современные наиболее популярные теории истинными, а теории прошлого или современные альтернативные теории ложными, последние сохраняют свое значение для науки. Тем самым в науке истина как бы «истончается», она становится весьма мимолетным свойством знания. В результате, в науковедческом знании понятие «истины» заменяется понятием «смысла», которое более корректно может описать когнитивную и эвристическую ценность знания. Любая теоретическая система, с которой можно вести дискуссию, которую можно опровергнуть, имеет научный «смысл», следовательно, обладает некоторой научной ценностью, научным статусом. В этой дискуссии, в диалоге теоретических систем происходит рост знания, расширение концептуальных и инструментальных возможностей науки. При этом ценность теории в значительной степени определяется тем вкладом, который она вносит в процесс роста знания. А поскольку многие теории имеют абсолютно гипотетический характер, то их высказывания являются не «истинными», а «научно осмысленными», то есть имеющими ценность для научного поиска. Высказывания не имеющие научную ценность, хотя и являющиеся формально истинными, для науки бесполезны, «бессмысленны».

Следует отметить, что новая теория не выводится из материнской теории посредством обобщения или эмпирического опровержения, как предполагал в свое время Эйнштейн (принцип соответствия). Новая теория конструирует новую реальность, опираясь на собственные концептуальные и технические решения, при этом материнские теории выступают в качестве некоего теоретического контекста, отталкиваясь от которого движется научная мысль. Тем самым развитие науки (особенно в контексте открытия, а не обоснования) не исчерпывается средствами логико-дедуктивного вывода или доказательства, но опирается на риторическое искусство, средства убеждения. Это значит, что не только для гуманитаристики, но даже и для естествознания, познать – значит понять, новое знание рождается не из обобщения, а из общения. Таким образом, естественно-научные высказывания выпадают из платоновского мира математических первообразов, научный текст обретает дискриптивность, превращаясь в сказ, специфический нарратив (Ж.Ф. Лиотар),

который может считаться «истинным» лишь в той мере, в какой истиной обладают романы Дюма или Достоевского [Лиотар, 1998]. Тем самым стирается грань между наукой и ненаукой, наукой и мифом. Вся научная методология – это лишь хитроумные средства аргументации, или даже – «пропаганды». Ведь «современная наука подавляет своих оппонентов, а не убеждает их. Наука действует с помощью силы, а не с помощью аргументов» [Фейерабенд, 1986: 245].

Итак, философия XX века сформировала новое понимание науки и научного метода: вместо обретения истины – поиск правдоподобного описания и господство вероятностного подхода; вместо процедуры доказательства – фокусы риторического искусства или идеологическое принуждение; вместо идеала служения истине – нормы корпоративной этики и безудержное стремление к капитализации знания.

Факторы искажений информации в современной науке (социально-гуманитарные аспекты)

Помимо методологической трансформации науки (торжество релятивизма и анархизма) существует ряд факторов социально-гуманитарного плана, которые стимулируют эти деструктивные процессы.

Информационный бум. В последние десятилетия произошла революция в подаче информации. Создание цифровых медиа ресурсов, социальных сетей погрузило человека в ситуацию хронической информационной перегруженности, в которой даже глубоко образованные люди, зачастую, теряют возможность адекватной оценки информации. Стремительный рост развлекательного контента, ориентированного на мнение знаменитостей или ярких личностей, подкрепляется на психосоматическом уровне формированием информационной дофаминовой наркомании. Под действием нового формата подачи информации и господства клипового мышления формируется специфическая фрагментированная, мозаичная картина мира, противоречивая и бессвязная. Все это сопровождается девальвацией знания (прежде всего фундаментального), а, следовательно, падением доверия к науке.

Другим важным фактором снижения авторитета науки является процесс коммерциализации научной деятельности, который наблюдается в последние годы. Некоторые авторы полагают, что среди причин подтасовок наблюдений и экспериментов главным фактором является стремление гарантировать финансирование своих исследований, закрепить за собой приоритет, особенно когда на кону оказываются служебные карьеры – должности, гранты, выгодные трудовые договоры и в буквальном смысле слова благосостояние ученых. Если «знание – сила», то оно нацелено на результат, который должен быть капитализуем, «продан». Сегодня ученый – это производитель определенного информационного контента, который в современном «царстве количества», в конечном счете, оценивается посредством денежного эквивалента. Более того, в данной логике, научная значимость того или иного исследователя оценивается его личным состоянием, т.е. участием в «грантоедской» деятельности. «Если ты такой умный, почему такой бедный?»

При этом гранты и контракты федерального правительства быстро иссякают, если за ними не следует немедленный и непрекращающийся успех. Стимул публиковаться, создавать себе имя в науке, получать престижные премии и приглашения участвовать в руководстве учебными заведениями – все это создает соблазн для мошенничества. Иначе говоря, существующая система организации научных исследований сама способствует распространению фальсификаций.

Ученый превращен в элемент экономической и производственной деятельности, а значит полностью зависит от заказчика и фабрикует результаты своих исследований в соответствии с требованиями последнего. Коммерциализация науки фактически уничтожила независимость научной экспертизы. Зачастую научные лаборатории торгуют экспертными заключениями, как фальшивомонетчик поддельными купюрами. Корпорации покупают целые научные институты для того, чтобы продавать выгодные для них контракты. Достаточно вспомнить дискуссию о допустимой концентрации свинца в атмосфере, которая шла в США в 60-70-х гг., в ходе которой нефтяные компании купили десятки лабораторий и смогли фактически маргинализировать «частное мнение» К. Паттерсона. В последние годы на наших глазах разворачивается масштабная научная и общественная дискуссия о причинах и механизмах глобального потепления. Общество наблюдает, как ученые и научные институты, в зависимости от определенной ангажированности, предлагают противоречащие друг другу экспертные заключения. В этих условиях общество фактически не в состоянии сформировать сколь-нибудь обоснованное мнение по данному вопросу. В результате проблема глобального потепления превратилась фактически в средство политической и экономической манипуляции, при этом научное сообщество является агентом этой манипуляции.

Политизация и идеализация научных исследований является также важнейшим фактором, определившим процесс общественной десакрализации науки. Многим исследователям казалось, что политическая ангажированность науки – это проблема, свойственная в первую очередь тоталитарным обществам. При этом обычно приводятся примеры борьбы с релятивистской физикой и психоанализом в нацистской Германии, а также гонения на генетику и кибернетику в СССР. Однако как оказалось для «тоталитарного либерализма» также свойственна тенденция к «чистке» научных рядов. Например, в экономической науке фактически элиминируются все нерыночные, нелиберальные экономические концепты и теории. Фактически в экономике утверждается абсолютный примат одной либеральной экономической теории. Радикальная переоценка истории, переписывание учебников – это не только прерогатива большевиков, но реальность современной американской научно-образовательной повестки.

Но наиболее ярким примером политической ангажированности современной науки стала все та же дискуссия, посвященная проблеме глобального потепления. Данная научная дискуссия потеряла свой

эвристический, когнитивный смысл и стала ключевым фактором геополитики. Политические партии и целые державы формулируют свою политическую позицию и историческую миссию, исходя из своего отношения к Киотскому и Парижскому протоколу. Климатическая повестка посредством карбонового налога становится инструментом глобального экономического переустройства, механизмом постколониального господства глобального Запада над глобальным Югом и Востоком. Если в XX веке формировались антигитлеровская или антикоммунистическая политические коалиции, то сегодня пришло время «антиклиматических» коалиций. Стоит ли говорить, что в условиях подобного политического противостояния доверия к научным исследованиям нет, климатические исследования превратились в средства идеологической пропаганды.

Еще более драматичной для науки стала история с эпидемией COVID-19. В период разработки диагностических средств и вакцин выявилась нечестная конкуренция между различными фармкомпаниями и государствами, в которую были затянуты исследователи, лаборатории, редакции научных изданий. Некоторые авторитетные эксперты меняли свое мнение несколько раз за период эпидемии. В обществе сложилась ситуация «Все лгут!» [Андреева, 2022]. Колоссальное финансирование данной тематики привело к огромному валу работ, абсолютное большинство которых оказались полностью бесполезными. Наблюдались случаи дискредитации результатов конкурирующих исследовательских центров. В целом, результатами эпидемии стало усиление политического и идеологического контроля над наукой и углубление кризиса доверия к научному сообществу.

Проблематичность истинности гуманитарного и философского знания

Особую проблему в контексте обсуждения лжи в науке представляют результаты социально-гуманитарных исследований. Если даже точные науки не избегают целенаправленного искажения научных данных и выводов, то социальное и гуманитарное знание представляет для лжи весьма широкое поле. Это обусловлено самой спецификой гуманитарных наук – отсутствием общепризнанных научных парадигм, особенностями специфической методологии социально-гуманитарного познания, включающей такие методы и приемы исследования, как интроспекция или эмпатия, весьма ограниченными возможностями применения количественных методов, акцентами на такие герменевтические процедуры, как понимание и интерпретация, априори предполагающие практически неограниченную множественность субъективных смыслов. Вследствие этого объективная истина в социально-гуманитарном познании представляет гораздо большее затруднение, нежели в естествознании или технике.

Кроме того, истина в гуманитарных науках гораздо чаще, чем в естественных или технических подвергается существенному давлению со стороны идеологии, замещается идеологической ложью, умалчивается в интересах определенных социальных кругов. Неслучайно некоторые

специалисты вообще считают более правильным говорить не о гуманитарной науке, а о некоей «гуманитаристике».

И действительно, трудно поспорить с тем фактом, что научность того или иного гуманитарного знания иногда бывает весьма сомнительной. Возможно, в наибольшей степени сегодня это касается исторической науки. Только за последние десятилетия мы оказались свидетелями многочисленных преднамеренных искажений западными или прозападными авторами военной истории, а также политической истории нашей страны – искажений, обусловленных множеством, иногда глубоко скрытых причин (экономических, политических, идеологических), и совершенных с целями, весьма далекими от установления объективной научной истины.

Так, Н. В. Антошина и В. В. Гагин в качестве примеров подобного рода лжи отмечают, что «нет никаких якобы «чудесных» и не доступных для ВВС других стран достижений» хваленых «Люфтваффе», героической победы над русскими в неравном бою прославленного германского крейсера «Гебен», что замалчиваются и перевираются детали операции «Блау» (1942 г.), подвиг Красной армии на Курской дуге и многое другое. Зато «ведущий отечественный историк» М. Солонин «смакует подробности голодных смертей в блокадном Ленинграде и пересчитывает изнасилованных советскими солдатами немецких женщин в 1945 г.» [Антошина, Гагин, 2014: 4]. «Дошло до того, – пишут авторы, – что совершенно очернительные опусы попадают в качестве целых глав в учебники средней школы» [Антошина, Гагин, 2014: 4].

К сожалению, сегодня приходится констатировать, что попытки переписать историю отнюдь не являются единичными вопиющими фактами, а носят системный характер.

Аналогичным образом, но, пожалуй, еще более проблематично обстоит дело с истиной в философии. Как замечает Чумаков, хотя философия и стремится к истине, но в силу самой специфики философского знания мы встречаемся здесь только с *правдами* различных философов – их оригинальными, индивидуальными взглядами, их личностным пониманием сути вещей [Чумаков, 2015: 137-138]. Этим обусловлены многообразие и непреходящая ценность философии, непреходящая актуальность философских концепций как попыток найти ответы на мировоззренческие вопросы. Более того, в философии сам факт постановки вопроса, сам процесс поиска ответа на вопрос, в ходе которого формируется духовный мир человеческой личности, может быть важнее ответа. Тем более, что оправдание истинности ответа (истинности философского знания) часто не укладывается в научные каноны. И, если бы это было не так, философское знание утратило бы свое неповторимое, отличающее ее от науки лицо. Однако упомянутая специфика философии не только определяет ее оригинальность, но и создает весьма благоприятную почву для лжи, в том числе целенаправленного политического мифотворчества.

Заключение

Очевидно, что мы наблюдаем деформацию этического облика ученого, это сопровождается глобальным кризисом доверия общества по отношению к науке.

Размывание норм научности в методологическом и аксиологическом планах, господство методологического релятивизма и анархизма, отказ от концепта «истины», привели к формированию «фейковой науки», акцентированной на репрезентативность, цитируемость и капитализацию. Ориентация многих исследований не только сместилась к правдоподобным описаниям, но некоторые из них не гнушаются откровенными фальсификациями и подделками.

При этом приходится признать, что, хотя категория лжи и имеет непосредственное отношение к юридической сфере (и, значит, ложь в науке должна быть юридически наказуема), но реально ученого крайне сложно привлечь к юридической ответственности за умышленное искажение научной информации. За исключением тех немногих случаев, когда эти искажения «шиты белыми нитками», как, например, плагиат. По существу, в большей степени остается уповать на профессиональную честность ученого, его нравственные принципы, социальную и профессиональную ответственность, формирование которых должно неизменно быть важнейшим моментом на каждом этапе воспитания личности, а, тем более, в процессе подготовки научных кадров.

Тем не менее, в вопросе, о котором идет речь, недопустимо ограничиваться ссылками на моральную ответственность и нравственные установки исследователей. Невзирая на все затруднения правоприменительной практики в науке, деятельность ученых должна регулироваться законодательно. В том числе, адекватная юридическая ответственность должна быть предусмотрена за умышленное искажение результатов исследований, фальсификацию научных данных и т.д.

Кроме того, сегодня представляется весьма продуктивным вспомнить положительный опыт не только советского образования, но и организации научной сферы в советский период. А такой опыт без сомнения был. И во многом именно этот опыт позволял советскому государству, несмотря на тяжелейшие испытания, в короткие сроки восстановить страну после военной разрухи, развивать промышленное производство, включая космическую и военную отрасли, медицину, сельское хозяйство и долгое время успешно конкурировать с богатейшими мировыми державами. Последняя задача является крайне сложной, потому что, по сути, она предполагает, что современный институт науки должен быть, если и не полностью, то значительно перестроен. И все же ее придется выполнить, чтобы освободить отечественную науку от «недоброкачественных», балластных работ, повысить эффективность государственных вложений в науку, укрепить научные основы благосостояния российского государства и общества.

Список литературы

Андреева, 2021 – *Андреева Н. С.* Наука в эпоху постправды: кризис доверия // Атомный эксперт. 2021. № 8 (93). С. 34-43.

Андреева, 2022 – *Андреева Н. С.* Что с нами сделал ковид // Атомный эксперт. 2022. № 1. С. 46-53.

Антошина, Гагин, 2014 – *Антошина Н. В.* Пора и власть употребить (к вопросу о борьбе с искажениями и фальсификацией отечественной истории) / Н.В. Антошина, В.В. Гагин // Современные проблемы гуманитарных и общественных наук, 2014. №4 (4). С. 3-7.

Лиотар, 1998 – *Лиотар Ф.-Ф.* Состояние постмодерна / Перевод с фр. Н.А. Шматко. – М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 1998. 160 с.

Никифоров, 2008 – *Никифоров А .Л.* Понятие истины в теории познания // Эпистемология & философия науки. 2008. № 2. Т. XVI. С. 50-65.

Ушкалова, 2005 – *Ушкалова, Е.А.* Проблемы фальсификации лекарственных средств: фокус на антимикробные препараты // Клиническая микробиология и антимикробная химиотерапия. 2005. Т. 7 (№ 2). С. 167-173.

Фейерабенд, 1986 – *Фейерабенд П.* Против метода. Очерк анархистской теории познания // Фейерабенд П. Избранные труды по методологии науки. М., 1986. С. 124-467.

Чумаков, 2015 – *Чумаков А.Н.* От правды к истине: на пути познания // Философские науки, 2015. №2. С. 129-141.

Reisman, Eichel, 1990 – *Reisman Judith A., Eichel Edward W.* Kinsey, sex and fraud. The Indoctrination Of A People. An investigation into the human sexuality research of Alfred C. Kinsey, Wardell B. Pomeroy, Clyde E. Martin and Paul H. Gebhad Lochinvar-Huntington House, 1990. 260 p.